

ХАРУКИ МУРАКАМИ

УБИЙСТВО КОМАНДОРА

18+

Книга 2. Ускользающая метафора

Харуки Мураками
Убийство Командора. Книга
2. Ускользящая метафора
Серия «Мураками-мания»
Серия «Убийство Командора», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42627067
Убийство Командора. Книга 2. Ускользящая метафора: Эксмо;
Москва; 2019
ISBN 978-5-04-101069-0

Аннотация

«С мая того года и до начала следующего я жил в горах...» Живописное, тихое место, идеальное для творчества. Скромное одноэтажное строение в европейском стиле, достаточно просторное для холостяка, принадлежало известному в Японии художнику.

Все было бы мирно и спокойно, если бы не картина «Убийство Командора», найденная на чердаке, если бы не звон буддийского колокольчика по ночам, если бы не странный склеп, что возник из-под каменного кургана посреди зарослей, если бы не встреча с эстетом Мэнсики, который за баснословные деньги попросил написать портрет, сначала свой, а потом, возможно, его дочери, если бы не попытки разобраться в самом себе.

«Выходит, началом всему, что происходит вокруг меня, стало то, что я вынес на свет эту картину? И тем самым разомкнул круг?»

Эта картина перевернула жизнь главного героя и повлияла на всех, кто ее видел. Она создала в нашем мире еще одну реальность. Как это все возможно?

Содержание

33	6
34	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Харуки Мураками

Убийство Командора.

Книга 2. Ускользящая метафора

© 2017 by Haruki Murakami

© Замилов А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*То, что на виду, мне
нравится примерно так же,
как и то, что скрыто*

Воскресенье тоже выдалось ясным, ветра почти не было. В лучах осеннего солнца переливалась листва самых разных оттенков. Расположившись на террасе, я наблюдал, как белогрудые птички, порхая с ветки на ветку, проворно клевали красные плоды. Красота природы беспристрастна и одинаково доступна как богатым, так и беднякам. То же и с временем. Хотя нет. Время – это нечто иное. Его богатеи приобретают за деньги, с запасом.

Ровно в десять, взобравшись по склону, перед домом возникла ярко-синяя «тоёта приус». На сей раз Сёко Акигава была в узких бледно-зеленых брючках из хлопка и бежевой обтягивающей водолазке. На шее поблескивала золотая цепочка. Прическа, как и прежде, – почти идеальная. Когда волосы покачивались, из-под них выглядывал затылок. Сегодня Сёко оставила прежнюю дамскую сумочку дома и взяла замшевую, с ремнем через плечо, на ногах – коричневые парусиновые туфли. Вся одежда простая, но наряд продуман до мелочей. Грудь у нее и впрямь красивая. Ее племянница

сказала бы – «без подкладок». Можно сказать, бюст ее меня пленил – исключительно в эстетическом смысле.

А вот Мариэ Акигава сегодня выглядела совсем иначе, повседневно – в потертых голубых джинсах и белых кедах «Конверс». На джинсах местами зияли дыры, разумеется – нарочно сделанные с превеликой осторожностью. Сверху же на ней была плотная клетчатая рубаша – обычно такие носят лесорубы, а на плечи накинута тонкая серая ветровка. Бугорков груди по-прежнему не наблюдалось, а на лице – прежняя кислая мина. Как у кошки, у которой отобрали миску с едой, едва она принялась за еду.

Как и в прошлый раз, я заварил черный чай и принес его в гостиную. Затем показал гостям три эскиза, которые набросал на прошлой неделе. Сёко Акигаве, похоже, они понравились.

– Какой ни возьми, Мариэ выглядит естественней, чем даже на фотографии. Прямо как живая.

– Это... можно взять? – спросила у меня Мариэ Акигава.

– Конечно, – ответил я. – Когда картина будет готова. Пока же эскиз может мне пригодиться.

– Как ты себя ведешь?.. – укоризненно сказала племяннице тетушка и обратилась ко мне: – Что, действительно можно? – обеспокоенно спросила она.

– Не имеет значения. Завершу портрет – и они мне не нужны.

– Значит, какой-то вы используете для наброска? – спро-

сила Мариэ.

Я покачал головой:

– Ни один не стану. Эти эскизы я сделал лишь для того, чтобы нащупать твой объемный образ. На холсте же я буду писать другую тебя.

– Выходит, образ уже сложился у вас в голове?

Я опять покачал головой:

– Нет еще. Мы с тобой будем создавать его вместе.

– Нащупывать меня объемно? – уточнила Мариэ.

– Именно, – ответил я. – Материально холст – поверхность плоская. А портрет нужно писать в объеме, понимаешь?

Мариэ нахмурилась. Мельком взглянув на обтянутую водолазкой грудь тети, она перевела взгляд на меня, и я предположил, что при слове «объемный» она, вероятно, задумалась о форме собственной груди.

– Как удастся так умело рисовать?

– Ты про эскиз?

– И про эскиз, и про кроки на занятиях.

– Практика. Рисуя, постепенно набиваешь руку.

– Но ведь немало и тех, у кого так не получается, сколько бы ни рисовали.

Она была права. Сколько моих сокурсников практиковались – но рисовать так и не научились. Как ни старайся, способности людей во многом зависят от их врожденных качеств, хотя об этом сейчас благоразумней умолчать, иначе разговору не будет ни конца, ни края.

– Но это не значит, что можно не практиковаться. Вне сомнения, существует немало талантов и качеств, которые не проявятся, если их не развивать.

Сёко Акигава была полностью со мной согласна, а Мариэ лишь поджала губы, как будто не торопилась принять мои слова на веру.

– Ты ведь хочешь научиться рисовать? – поинтересовался я у Мариэ.

Она кивнула.

– Что на виду, мне нравится примерно так же, как и то, что скрыто.

Я посмотрел ей в глаза и заметил в них некий блеск. Я не очень понял, что она имела в виду, но привлекли меня даже не ее слова, а искорки в глубине ее глаз.

– Весьма странное замечание, – отозвалась Сёко Акигава. – Прямо загадками ты говоришь.

Мариэ, ничего на это не ответив, разглядывала свои руки. Вскоре она подняла голову: блеска у нее в глазах как не бывало. Вспышка эта длилась лишь миг.

Мы с Мариэ Акигавой ушли в мастерскую. Сёко достала из сумочки тот же, как мне показалось, *покетбук* и, откинувшись на спинку дивана, тут же погрузилась в чтение. Похоже, читала она запоем. Мне еще сильнее захотелось узнать, что это за книга, но спросить название я постеснялся.

Мариэ и я, как и в прошлый раз, расположились в па-

ре метров друг напротив друга. Только теперь передо мной стоял мольберт с холстом, но время кистей и красок пока не пришло. Я попеременно смотрел то на девочку, то на чистый холст и размышлял, как перенести ее облик на него *объемно*. Ведь для этого требуется некая *история*. Банальное копирование – не творчество: тогда у меня получится удачный портрет, но никак не произведение искусства. Мне же предстояло не просто перенести ее облик на холст как есть, а именно отыскать ту *историю*, что *должна быть там отображена*. И это станет для меня важной отправной точкой.

С высоты своего табурета я долго смотрел на лицо Мариэ Акигавы, которая сидела на стуле из столовой. Она не отводила глаз и почти не моргала в ответ на мой взгляд. Смотрела на меня она не вызывающе, но в ее глазах читалось решительное «не отступлю». Правильные, буквально кукольные черты лица, как правило, создавали у людей ошибочное впечатление, но характер у девочки был крепкий, в ней чувствовался стержень. Такая неколебимо пойдет своим путем, ее с него не собьешь.

Если присмотреться, было в ее взгляде нечто от Мэнсики. Это я ощущал и прежде, но сейчас это сходство поразило меня вновь. Станный блеск ее глаз – его так и подмывало назвать «оледеневшим пламенем», – пылкий и одновременно всецело спокойный, напоминал какой-то драгоценный камень, что мерцает сам в себе. Во взгляде этом остро сталки-

вались две силы: он искренне звал к открытости и был направлен внутрь, как бы стремясь к завершенности.

Однако подобная трактовка вполне могла возникнуть у меня и после недавнего признания Мэнсики в том, что девочка, возможно, – его родная дочь. А раз такая связь существует, возможно, я неосознанно стараюсь обнаружить и нечто схожее между ними.

Так или иначе, мне предстояло изобразить на портрете эту *изюминку* ее взгляда. Саму суть выражения ее лица, нечто, приоткрывающее потайную дверку всей ее внешности – вот что важно. Однако я пока не мог отыскать тот контекст, какой мог бы вписать в ее портрет. Не постараюсь это сделать – выйдет лишь холодная стекляшка, а не самоцвет. Мне же нестерпимо хотелось узнать, откуда взялся тот источник тепла у нее во взгляде и куда он устремлен.

Минут пятнадцать я смотрел то на холст, то на лицо девочки, а после оставил эту затею. Отодвинув мольберт в сторону, я несколько раз глубоко вдохнул.

– Давай поговорим, – произнес я.

– Давайте, – ответила Мариэ. – О чем?

– Хочу побольше о тебе узнать – если, конечно, ты не против.

– Например?

– Скажем, твой отец – он какой?

Мариэ слегка скривилась.

– О папе я мало что знаю.

– Редко беседуете?

– Да и видимся не часто.

– Наверное, занят работой?

– Я не знаю, чем он там занят, – ответила Мариэ. – По-моему, он мною просто не интересуется.

– Не интересуется?

– Потому и бросил меня на тетю.

Я ничего на это не ответил.

– А маму ты помнишь? Тебе ведь было шесть лет, когда она умерла.

– Мама мне вспоминается какими-то *обрывками*.

– В смысле?

– Слишком быстро ушла она из моей жизни. Я тогда еще не понимала, что значит «человек умирает», поэтому считала, что ее просто *не стало*. Как дыма, ускользнувшего в щель. – Мариэ помолчала, а затем продолжила: – Вот только не стало ее так внезапно, что я никак не могла взять в толк, почему это случилось. Поэтому мне и трудно вспомнить, что было до, а что после ее смерти.

– Тебе, видимо, пришлось нелегко?

– То время, когда мама была, и то, когда ее не стало, словно бы разделилось высокой стеной – и вместе эти половинки уже не сойдутся, – помолчав, сказала Мариэ и прикусила губу. – Понимаете меня?

– Надеюсь, что да, – ответил я. – По-моему, я рассказывал в прошлый раз про мою младшую сестру, которая умерла,

когда ей было двенадцать?

Мариэ кивнула.

– У нее был врожденный порок сердца. Ей сделали сложную операцию, все прошло успешно. Но недуг почему-то остался, а это – как жить с бомбой в теле. Поэтому у нас в семье все были готовы к худшему, всегда. Иными словами, это не стало для нас градом с ясного неба, как было с твоей мамой.

– Градом?

– Так говорят – «град с ясного неба», – сказал я. – Когда в погожий день внезапно сыплет град. Ну, то есть неожиданно происходит то, чего даже не предполагали.

– Град с ясного неба... – повторила она. – Какие там иероглифы?

– Ясное небо – «голубой» и «небо». Град – сложные, я сам не помню. Ни разу не писал. Посмотри в словаре, как вернешься домой, если хочешь.

– Град с ясного неба, – еще раз повторила она. Эта фраза словно заняла выдвижной ящичек в ее голове.

– Как бы там ни было, мы в определенной мере представляли, что может случиться. Но на самом деле, когда у сестры внезапно случился приступ, и она в тот же день умерла, никакая наша готовность не пригодилась. Меня буквально подкосило. Да и не только меня – всю семью.

– После у вас внутри, наверное, много что переменялось?

– Да, после этого – *и внутри, и вокруг* меня многое пе-

ременилось совершенно. Даже время потекло иначе. Как ты верно подметила, все разделилось надвое так, что половинкам уже никогда не сойтись.

Мариэ секунд десять пристально смотрела на меня, затем сказала:

– Сестра была вам очень дорога?

Я кивнул.

– Да, очень.

Мариэ Акигава опустила взгляд и о чем-то крепко задумалась. После чего вновь посмотрела на меня и произнесла:

– Из-за этого барьера в памяти я не могу толком вспомнить маму. Какой она была, как выглядела, что мне говорила. Отец мне тоже о ней почти ничего не рассказывает.

Мне известны о матери Мариэ Акигавы лишь мельчайшие подробности того, как Мэнсики переспал с ней в последний раз. Он же сам рассказывал мне о том страстном соитии на диване в у него в кабинете, которое, вероятно, и привело к зачатию Мариэ. Но об этом, разумеется, девочке не сообщешь.

– Но ты хоть что-то о ней помнишь? Ведь до шести лет вы прожили вместе.

– Только запах.

– Запах маминого тела?

– Нет, не тела – дождя.

– Запах дождя?

– Тогда шел дождь. До того сильный, что было слышно,

как капли бьют по земле. А мама шла по улице, не раскрывая зонтика. Я тоже шла под дождем, держа ее за руку. Кажется, было лето.

– То был, значит, летний ливень?

– Скорее всего. И стоял такой запах, когда первые крупные капли дождя лупят по раскаленному солнцем асфальту. Вот его я и запомнила. Место было чем-то вроде смотровой площадки на горе, и мама пела песню.

– Какую?

– Мелодия вылетела у меня из головы, а слова... слова я помню. «На той стороне реки лежит луг. Там все залито ярким солнцем, а здесь беспросветный нудный дождь». Что-то вроде. Вам доводилось ее слышать, сэнсэй?

Такой песни я не припоминал.

– По-моему, нет.

Мариэ Акигава слегка пожала плечами:

– Я спрашивала у разных людей, но эту песню не слышал никто. Интересно, почему? Может, я ее сама придумала?

– Или же мама прямо там сочинила ее. Для тебя.

Мариэ подняла на меня глаза и улыбнулась.

– Такое мне даже в голову не приходило. Но если это правда, до чего же это прекрасно.

И тут я впервые увидел, как она улыбается. Та улыбка была будто яркий луч, что прорвался сквозь толщу туч и осветил какой-то особый клочок земли.

Я спросил у Мариэ:

– Если туда вернуться, ты сможешь узнать это место? Смотровую площадку на горе?

– Пожалуй, да, – ответила Мариэ. – Не уверена, но, пожалуй, вспомню.

– Прекрасно, что ты хранишь в себе ту сцену, – сказал я. Мариэ просто кивнула.

Затем какое-то время мы вместе наслаждались птичьим щебетом. За окном высилось безоблачное осеннее небо. Мы думали каждый о своем.

– Вон та картина, что стоит лицом к стене, – это что? – первой нарушила молчание Мариэ.

Девочка показывала на тот портрет, что написал – вернее, попытался, «Мужчина с белым “субару форестером”». Чтобы не смотреть на этот холст, я прислонил его к стене да так и оставил.

– Начатая картина. Собирался нарисовать одного человека. Но отложил на потом.

– Покажете?

– Покажу. Хотя она не окончена.

Я развернул картину и поставил на мольберт. Мариэ поднялась со стула, подошла и, скрестив на груди руки, принялась ее рассматривать. В ее глазах опять вспыхнул тот резкий блеск, а губы плотно сжались едва ли не в прямую линию.

Тот портрет я начал писать лишь в красных, зеленых

и черных тонах, и мужчина, который должен был занять там свое место, отчетливо еще не проступил на холсте. Сама фигура его, набросанная углем, теперь скрывалась под красками. Он сам отказался воплощаться далее, но я понимал, что он где-то здесь. Я улавливал самую его суть – так невод охватывает рыбу, не видимую в пучине моря. Я стремился найти способ вытащить этот невод, а мужчина мне мешал. Пока мы с ним так препирались, работа над картиной приостановилась.

– И на этом вы бросили? – спросила Мариэ.

– Ну да. И дальше наброска продвинуться не могу.

Мариэ тихо сказала:

– Но даже и так портрет выглядит вполне законченным.

Я встал рядом с девочкой и заново взглянул на холст. Неужели ей виден облик скрытого в этом мраке мужчины?

– То есть ты считаешь, что лучше ничего уже не добавлять?

– Ага. Мне кажется, можно все оставить, как есть.

Я сглотнул слюну. Ее устами со мною будто говорил сам мужчина с белым «субару»: *Оставь картину, как есть, не вздумай ничего добавлять.*

– Почему ты так думаешь? – спросил я.

Мариэ ответила не сразу. Сосредоточенно посмотрев на картину еще сколько-то, она отняла руки от груди и прижала их к щекам – словно пыталась их остудить. После чего сказала:

– В ней и так достаточно силы.

– Достаточно силы?

– Мне так кажется.

– И сила эта не слишком *добрая*?

Мариэ на это ничего не ответила – лишь продолжала держаться ладонями за щеки.

– Сэнсэй, а вы хорошо знаете этого мужчину?

Я покачал головой:

– Нет. Признаться, я о нем не знаю ничего. Случайно встретился с ним не так давно, пока путешествовал, в каком-то городке в глуши. Мы с ним даже не разговаривали, и я не знаю, как его зовут.

– Добрая это сила или нет – непонятно. Наверное, может быть то хорошей, то плохой, ведь все выглядит иначе под разными углами.

– Но ты считаешь, что ее лучше не воплощать на холсте? Она посмотрела мне в глаза.

– Если воплотить, а она окажется *недоброй*, – как с ней быть? Вдруг она и сюда дотянется...

А ведь она права, подумал я. Если сила эта окажется совсем не *доброй*, если она будет *злой* и дотянется до сюда... как мне с ней быть?

Я снял картину с мольберта, развернул к стене и поставил на прежнее место. Царившее в мастерской напряжение словно бы мигом улетучилось.

Пожалуй, будет лучше хорошенько упаковать эту картину

и отнести на чердак, подумал я. Примерно так же, как Томохико Амада убрал с глаз долой свою.

– Ладно, а что скажешь об этой картине? – спросил я, показывая на стену, где висело «Убийство Командора».

– Эта мне нравится, – не колеблясь, ответила Мариэ. – Кто ее нарисовал?

– Томохико Амада, хозяин этого дома.

– Эта картина к чему-то зовет. Такое чувство, будто птица хочет вырваться из тесной клетки на волю.

Я посмотрел на девочку.

– Птица? Какая еще птица?

– Какая птица, какая клетка – я не знаю. Ни образа, ни облика их я разобрать не могу, только чувствую. Пожалуй, эта картина для меня слишком сложная.

– Не только для тебя. Для меня, по-моему, тоже. Но как ты верно подметила, автор перенес на холст свое сильное стремление донести что-то людям. Это и я ощущаю, вот только никак не могу догадаться, что именно он хотел сказать.

– Кто-то кого-то убивает. Из страсти.

– Так и есть. Молодой мужчина, решившись, пронзает мечом грудь другого. А тот, в свою очередь, обескуражен тем, что его убивают. Окружающие, затаив дыхание, следят за происходящим.

– А справедливое человекоубийство – такое бывает?

Я задумался.

– Не знаю. Тут все зависит от выбора нормы – что справедливо, а что нет. Взять, к примеру, смертную казнь. В мире немало людей, считающих ее справедливым убийством. – Или же политическое покушение, подумал я.

Мариэ, немного подумав, сказала:

– Но эта картина не вызывает мрачных чувств, хотя на ней убивают и пролито много крови. Она будто куда-то манит. Туда, где нет нормы справедливости.

В тот день я за кисть больше не брался. В залитой солнцем мастерской мы просто болтали с Мариэ, и у меня в памяти откладывалось, как меняется у нее мимика, как девочка жестикулирует. Этот запас памяти и станет для меня плотью и кровью портрета, который мне предстоит написать.

– Сэнсэй, вы сегодня ничего не нарисовали, – сказала Мариэ.

– Бывают и такие дни, – ответил я. – Время чего-то нас лишает, но еще и что-то дает. Очень важно ладить со временем – чтобы оно оставалось за тебя.

Мариэ, ничего не говоря, просто посмотрела мне в глаза. Так заглядывают в дом, прижав лицо к стеклу. Видимо, она думала о смысле времени.

В полдень раздался обычный гудок, и мы с Мариэ вышли из мастерской в гостиную. Там Сёко Акигава, как и раньше, в очках в черной оправе увлеченно читала толстую книжку.

Она так ею увлеклась, что, кажется, даже не дышала.

– Что за книгу вы читаете? – не выдержав, спросил я.

– Сказать вам правду, на мне что-то вроде сглаза, – улыбувшись, ответила она, вложила закладку между страницами и закрыла книгу. – Скажу кому-нибудь, как называется книга, которую я читаю, и все – почему-то не могу дочитать ее до конца. Как правило, тогда случается что-нибудь непредвиденное, и я дальше читать не могу. Странно, но так и есть. Поэтому я для себя решила никому не говорить, что я читаю, пока не закончу. А тогда с радостью вам скажу.

– Конечно, мне же не к спеху. Просто вы так увлеченно читаете, что мне самому стало интересно.

– Это очень интересная книга, невозможно оторваться. Поэтому я решила читать ее только здесь – так два часа пролетают незаметно.

– Тетя очень много читает, – сказала Мариэ.

– Мне больше заняться нечем, и чтение теперь – стержень всей моей жизни, – сказала Сёко Акигава.

– Вы не работаете? – спросил я.

Она сняла очки и, разглаживая пальцем легкую складку между бровей, ответила:

– Примерно раз в неделю я добровольно помогаю в местной библиотеке. А прежде работала в Токио в частном медицинском институте – секретарем ректора. Но, переехав сюда, эту работу оставила.

– Вы переехали сюда после смерти матери Мариэ?

– Тогда я собиралась пожить с ними недолго, пока все не уляжется. Но, приехав и проведя какое-то время с Мариэ, я поняла, что так просто отсюда мне уже не выбраться. С тех пор так здесь и живу. Разумеется, если мой брат решит опять жениться, я тут же вернусь в Токио.

– Тогда я тоже с тобой уеду, – сказала Мариэ.

Сёко Акигава лишь учтиво улыбнулась, а от слов воздержалась.

– Если не возражаете, может, пообедаем вместе? – спросил я у них. – Салат и спагетти я могу приготовить быстро.

Сёко Акигава, разумеется, замаялась, а вот Мариэ мысль пообедать втроем очень заинтересовала.

– А можно? Все равно же домой вернемся – а отца там нет.

– Мне никакого труда это не составит, еда очень простая. Соуса я наготовил много, сварю все быстро хоть на одного, хоть на троих, – ответил я.

– Мы в самом деле вам не помешаем? – с подозрением переспросила Сёко Акигава.

– Конечно, нет, не переживайте. А то я вечно здесь один ем, по три раза в день. Иногда хочется пообедать в компании для разнообразия.

Мариэ посмотрела на тетю.

– Хорошо, тогда мы принимаем приглашение, – согласилась Сёко Акигава, но добавила: – Вы уверены, что не помешаем?

– Нисколько, – заверил ее я. – Чувствуйте себя как дома.

И мы втроем перешли в столовую. Они сели за стол, я же на кухне вскипятил воду, разогрел на сковороде соус со спаржей и беконом, сделал салат из латука, помидора, репчатого лука и сладкого перца. Когда закипела вода, положил в кастрюлю пасту и, пока она варилась, мелко нарезал сельдерей. Достал из холодильника холодный чай, разлил по стаканам. Гости удивленно наблюдали, как энергично я хлопочу на кухне. Сёко Акигава предложила свою помощь, но делать было нечего, и я отказался.

– Как у вас слаженно все получается, – восхищенно произнесла она.

– Ну, если заниматься этим изо дня в день...

Готовить мне не в тягость. Я всегда любил делать что-нибудь руками – готовить еду, плотничать, ремонтировать велосипеды, ухаживать за садом. Слабое место у меня – абстрактное и математическое мышление. Шахматы, головоломки и подобные им интеллектуальные игры напрягают мой незатейливый мозг.

Затем мы уселись за стол и принялись за еду. Получился беззаботный воскресный обед посреди ясного осеннего дня. К тому же Сёко Акигава оказалась идеальной застольной собеседницей – с широким кругозором, тонким чувством юмора, интеллигентная и общительная. За столом она держалась изящно и без лишней напыщенности, сразу видно: женщину эту воспитали в приличной семье и обучали в хорошей и дорогой школе. Мариэ же почти не говорила – доверив разго-

воры тете, она сосредоточилась на еде. Сёко Акигава попросила поделиться с ней рецептом соуса.

Когда мы уже почти все доели, в прихожей раздался бодрый звонок. Легко было предположить, кто это мог звонить. Чуть раньше мне слышался едва различимый рокот мотора «ягуара» – эта машина звучала совсем не так, как шуршала «тоёта приус», и звук вклинился где-то между моим сознанием и бессознательным. Поэтому звонок в дверь отнюдь не застал меня врасплох, точно «град с ясного неба».

Извинившись, я отложил салфетку и, оставив женщин в столовой, направился в прихожую. Понятия не имея, что будет дальше.

Если подумать, за последнее время я ни разу не проверил давление

Отворив дверь, я увидел на пороге Мэнсики. Он был в шерстяной фуфайке с мелким изящным узором и твидовом голубовато-сером пиджаке. Парусиновые брюки у него были бледно-горчичными, замшевые туфли – светло-коричневыми, и вся одежда, как обычно, выглядела на нем ладно, а пышные белые волосы переливались в лучах осеннего солнца. Позади Мэнсики виднелся его серебристый «ягуар» рядом с ярко-синей «тоётой приус». Две эти машины, стоявшие бок о бок, напомнили мне человека с кривыми зубами, смеющегося во весь рот.

Я жестом пригласил Мэнсики войти. Его лицо от напряжения выглядело окаменевшим, словно недосохшая штукатурка. Таким я его видел, разумеется, впервые – прежде он никогда не проявлял чувства, стараясь выглядеть сдержанным и хладнокровным. Даже проведя некогда целый час в крошечной темноте склепа, он не изменился в лице. А вот сегодня он был очень бледен, будто мертвец.

– Ничего, если я войду? – спросил он.

– Разумеется, – ответил я. – Мы как раз обедали, но уже заканчиваем. Проходите, будьте добры.

– Я не хотел бы вас беспокоить за едой, – сказал он, почти машинально кинул взгляд на часы и бессмысленно впился глазами в стрелки, будто те двигались как-то несогласованно.

Я сказал:

– Мы скоро закончим, а еда у нас очень простая. Потом можем вместе выпить кофе. Подождите, пожалуйста, в гостиной – там я вас и представлю.

Мэнсики покачал головой.

– Нет, знакомить нас пока рановато – я здесь вовсе не ради знакомства. Я заглянул к вам, посчитав, что они уже уехали. Но когда увидел, что перед домом у вас стоит незнакомая машина, даже не знаю, как мне быть...

– Это как раз удачно, – перебил его я. – Все получилось естественно, я сам все устрою.

Мэнсики кивнул и принялся снимать обувь. Но выглядело так, будто он толком и не знает, как это делают. Дождавшись, когда он справится с этой трудной задачей, я проводил его в гостиную. Хоть он и бывал здесь прежде – с любопытством обвел взглядом комнату, словно видел ее впервые в жизни.

– Подождите, пожалуйста, – попросил я и легонько положил руку ему на плечо. – Присаживайтесь и почувствуйте себя как дома. Думаю, минут через десять мы закончим.

Оставив Мэнсики дожидаться, я, несколько волнуясь, вернулся в столовую. Пока меня не было, мои гости уже доели, и вилки их теперь покоились на тарелках.

– У вас гость? – встревоженно спросила Сёко Акигава.

– Да, но не беспокойтесь. Неожиданно заглянул один хороший знакомый – он живет здесь неподалеку. Подождет в гостиной – и не волнуйтесь, он не требует к себе внимания. Так что я пока доем.

На тарелке у меня оставалось немного, и справился я быстро. Пока гости убирали со стола посуду, я приготовил кофе.

– Давайте перейдем в гостиную и выпьем кофе там вместе, – предложил я Сёко Акигаве.

– Но у вас же гость. Мы разве не помешаем?

Я покачал головой.

– Ничего подобного. На самом деле все складывается как нельзя удачнее – я вас заодно и познакомлю. Живет он хоть и близко, но на другом склоне лощины, так что вы его, наверное, не знаете.

– Как его зовут?

– Господин Мэнсики. «Мэн» как в слове «права» и «сики» как в «сочетании цветов».

– Редкое имя, – произнесла Сёко Акигава. – Мэнсики. Прежде не доводилось его слышать. Действительно, на другой стороне лощины – вроде и близко, но совсем не рядом.

Мы поставили на поднос четыре чашки кофе, сахар и сливки и понесли все это в гостиную. А когда вошли, Мэнсики там, к моему изумлению, не оказалось. Гостиная была пуста. На террасе его тоже не было. И я сомневался, что он

скрылся в ванной.

– Куда он делся? – воскликнул я, ни к кому не обращаясь.

– А он был здесь? – спросила Сёко Акигава.

– Только что.

Я сходил в прихожую – его замшевых туфель там тоже не было. Надев сандалии, я открыл входную дверь и выглянул на улицу. Серебристый «ягуар» стоял на прежнем месте – значит, домой уехать Мэнсики не мог. Лобовое стекло машины ослепительно отражало солнечный свет, и понять, есть ли кто внутри, мне не удалось. Я подошел к машине: Мэнсики сидел за рулем и явно что-то искал. Я слегка постучал по стеклу. Он открыл окно и смущенно посмотрел на меня.

– Что с вами, Мэнсики-сан?

– Подумал измерить давление в шинах, но отчего-то не могу найти манометр. Всегда возил его в салоне.

– Это необходимо сделать прямо здесь и сейчас?

– Нет, в общем-то, не обязательно. Просто пока я у вас сидел, меня вдруг стало беспокоить давление в шинах. Если подумать, за последнее время я ни разу его не проверил.

– Но с колесами ведь все нормально?

– Да, колеса в полном порядке. Как обычно.

– Тогда, может, оставим давление в шинах на потом и вернемся в гостиную? Я приготовил кофе. К тому же дамы ждут.

– Ждут? – хрипло спросил Мэнсики. – Ждут – меня?

– Я сказал им, что вас познакомлю.

– Вот беда, – сказал он.

– Почему?

– Я еще не готов знакомиться. В душе не готов.

В его взгляде читались страх и растерянность – как у человека, которому велели прыгать из горящего здания на спасательный мат, больше похожий с высоты шестнадцатого этажа на бирдекель.

– Нам лучше вернуться, – отрывисто произнес я. – Ничего особенного в этом нет.

Мэнсики, ничего не ответив мне, кивнул, выбрался из машины и захлопнул дверцу. Хотел было заблокировать двери, но понял, что надобности в этом нет – дом стоит на вершине горы, сюда никто не ходит, – и положил ключи в карман парусиновых брюк.

Тетя с племянницей ждали нас в гостиной. Едва мы вошли, обе они учтиво поднялись с дивана. Я кратко представил им Мэнсики – просто и вежливо.

– Господину Мэнсики тоже приходилось мне позировать. Я писал его портрет, и оказалось, что живем мы неподалеку. С тех пор и общаемся.

– Я слышала, вы живете на вершине горы напротив? – спросила Сёко Акигава.

Стоило заговорить о доме, как Мэнсики прямо на глазах побледнел.

– Да, я там поселился несколько лет назад... Сколько уже? Года три? Нет, пожалуй, четыре.

Он посмотрел на меня так, будто вопрос задали мне, но

я ничего не ответил.

– Ваш дом отсюда видно? – спросила Сёко Акигава.

– Да, – ответил Мэнсики и тут же добавил: – Но дом так себе, да и жить на горе неудобно.

– В смысле неудобств наш дом ничем не лучше, – дружелюбно подхватила Сёко Акигава. – Выбраться за покупками – целая история, сигнал на сотовом слабый, радиоволны с помехами. К тому же склон крутой: стоит пойти снегу – сплошь гололед, да такой, что страшно выезжать на машине. К счастью, это за все время случилось только раз, лет пять назад...

– Да, а снега здесь почти не бывает, – сказал Мэнсики. – Из-за теплого ветра с моря. Как ни крути, климат-то у нас морской, так что...

– В общем, хорошо, что зимой снега нет, – перебил я Мэнсики. Было ясно, что ему трудно, и если б я не вмешался, он бы продолжил свой монолог вплоть до объяснения Эль-Ниньо.

Мариэ Акигава попеременно смотрела на тетушку и Мэнсики. Похоже, какого-то особого впечатления о моем соседе она пока не составила. Тот же и вовсе не смотрел на девочку, а не сводил взгляда с ее тети, словно его сразила ее красота.

Тогда я сказал, обратившись к Мэнсики:

– Дело в том, что я недавно взялся писать портрет этой юной леди.

– А я по воскресеньям вожу ее сюда, – добавила Сёко Аки-

гава. – Мы тоже соседи, но чтобы добраться сюда, приходится делать изрядный крюк.

Мэнсики наконец-то посмотрел прямо на Мариэ. Однако глаза его, стараясь зацепиться хоть за что-нибудь у нее на лице, беспокойно метались, словно неугомонные зимние мухи, не знающие, куда присесть. Найти эту зацепку он так и не смог.

И тогда я, словно протягивая спасительную соломинку, достал эскизник.

– Вот те наброски, что я пока что сделал. За сам портрет мы пока не принимались.

Мэнсики долго всматривался в три листка – будто вгрызался в них глазами, словно ему было куда важнее видеть перед собой не саму Мариэ, а ее изображения. Но это, конечно же, было не так – он просто не мог заставить себя посмотреть прямо на девочку. Рисунок попросту служил заменой. Мэнсики впервые оказался так близко от девочки и не мог держать себя в руках. А Мариэ Акигава наблюдала за суетой на лице Мэнсики, будто видела перед собой какую-то редкую зверушку.

– Прекрасно, – воскликнул Мэнсики и, посмотрев на Сёко Акигаву, добавил: – Во всех рисунках бьется жизнь и характер передан точно.

– Да, я с вами согласна, – просияв, ответила Сёко Акигава.

– Вот только Мариэ – отнюдь не простая модель, – сказал я Мэнсики. – Рисовать ее очень трудно. Лицо у нее посто-

янно меняется, и нужно время, чтобы уловить его суть. Вот поэтому я и не могу пока приступить к самому портрету.

– Трудно, значит? – переспросил он и, прищурившись так, будто перед ним нечто ослепительное, посмотрел на Мариэ. Я сказал:

– На каждом из этих трех рисунков выражение лица очень сильно разнится. Стоит чему-нибудь в нем измениться, и общее впечатление совершенно меняется. Чтобы нарисовать Мариэ на одном холсте, необходимо отразить не только поверхностные вариации, но и саму эмоциональную ее суть. Если этого сделать не получится, в портрете отразится лишь грань целого.

– Вот как? – восхищенно воскликнул Мэнсики и, взяв в руки рисунки, принялся сравнивать их с оригиналом, а на его бледное лицо тем временем постепенно начал возвращаться румянец. Сначала – как маленькие точки, которые вскоре выросли до размера шариков для пинг-понга, а затем наконец покрыли все лицо. Мариэ с интересом наблюдала, как у собеседника меняется цвет. Сёко Акигава вовремя отвернулась, чтобы не показаться беспардонной. Я поспешно стал наливать себе кофе.

– На следующей неделе берусь за портрет. В смысле – красками и на холсте, – сказал я, чтобы заполнить тишину, при этом – скорее себе самому.

– Композицию уже продумали? – спросила тетушка.

Я покачал головой:

– Нет еще. Пока не встану перед холстом с кистью в руке, ничего в голову мне и не придет.

– Так вы писали портрет господина Мэнсики? – спросила у меня Сёко Акигава.

– Да, где-то с месяц тому назад, – ответил я.

– Прекрасный вышел портрет, – энергично подтвердил Мэнсики. – Пока краски не высохнут, в раму я его не вставлял, а просто повесил на стену в кабинете. Правда, я считаю, что слово «портрет» здесь не совсем уместно: при том, что на картине нарисован я, там – не я. Как бы точнее выразиться? Это очень *глубокая* картина. Сколько ни смотрю, не могу на нее наглядеться.

– Притом вы сказали, что вы там – это не вы? – спросила Сёко Акигава.

– Я к тому, что это не портрет *в обычном смысле слова*, а произведение гораздо глубже обычных картин.

– Хочу посмотреть, – заявила Мариэ. Это было первое, что она произнесла после того, как мы перешли в гостиную.

– Но, Мариэ, так неприлично! Напрашиваться в гости в чужой...

– Я ничуть не возражаю, – перебил ее тетю Мэнсики, словно обрубил острым топориком концовку ее фразы. От его резкости все – включая его самого – на миг опешили. А он, выдержав паузу, продолжал: – Тем более что живете вы неподалеку. Непременно приезжайте ко мне посмотреть картину. Я живу один, поэтому стесняться нечего – я готов вас при-

нять в любое удобное время.

И, сказав это, Мэнсики покраснел. Возможно, сам уловил в своей фразе нотки излишней настойчивости.

– Мариэ, а тебе нравятся картины? – обратился он теперь к девочке уже обычным своим голосом.

Мариэ молча кивнула. Тогда Мэнсики продолжил:

– Если вы не против, в следующее воскресенье примерно в это же время я за вами сюда заеду. И мы съездим ко мне, посмотрите картину. Что вы на это скажете?

– Нам бы не хотелось вас беспокоить... – попыталась было отказаться тетушка.

– Я хочу увидеть ту картину, – на сей раз категорично заявила Мариэ, и тон ее не терпел возражений.

Условились, что ровно через неделю Мэнсики приедет сюда после полудня и встретит гостей. Меня тоже пригласили, но я, сославшись на дела, вежливо отказался, не желая быть причастным к этому больше, чем и так впутался: пусть уж теперь эти трое разбираются между собой сами. Что бы там ни произошло, мне хотелось бы по возможности остаться в стороне. Ведь я лишь связующее звено – хотя изначально не стремился быть и им.

Чтобы проводить тетю с племянницей, засобиравшихся домой, мы с Мэнсики вышли на улицу. Сёко Акигава с интересом рассматривала «ягуар», запаркованный рядом с ее «приусом». Таким взглядом чужих псов оценивают настоя-

щие собаководы.

– Это же самая новая модель? – спросила она у Мэнсики.

– Да. Пока что самый новый купе «ягуара». А вам нравятся машины? – поинтересовался он в ответ.

– Нет, дело не в этом. Просто у моего покойного отца был седан «ягуар». Отец часто брал меня с собой, иногда давал порулить. Вот мне и щемит сердце всякий раз, как вижу на радиаторе знакомую фигурку. Как там говорил отец – вроде «экс-джей-6» у нас был? С четырьмя круглыми фарами. Двигатель – рядная шестерка на 4,2 литра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.